

Чжао Цзиньсинь не видел, как выглядит нелегальная система, но и не испытывал особого любопытства, так как его мысли были полностью заняты Чэнь Циньцином.

То, что Чэнь Циньцин решил рассказать ему о таком секретном деле, означало простоту.

Чжао Цзиньсинь не считал, что Чэнь Циньцин взял его с собой просто так. У него наверняка был свой умысел.

Поэтому, после того как Чжао Цзиньсинь принял новую картину мира, он невольно начал размышлять о причинах.

И, чувствуя что-то смутное, он начал испытывать тревогу.

Он даже начал думать о том, что, возможно, не хотел бы знать правду...

Поэтому Чжао Цзиньсинь сохранял молчание, не издавая ни звука сомнения.

Тем временем Е Цянь, после того как Чэнь Циньцин удалил нелегальную систему, сразу же очнулся.

Проснувшись, Е Цянь уставился на Чэнь Циньцина с оцепенением.

Страх заставил его сопротивляться Чэнь Циньцину.

Когда Чэнь Циньцин проник в душу Е Цяня, чтобы удалить нелегальную систему, тот всё же невольно сопротивлялся.

Однако сам Е Цянь не сопротивлялся удалению нелегальной системы.

Его сознание было вполне сговорчивым в этом вопросе, он не цеплялся за нелегальную систему Всеобщего Любимца и не мешал Чэнь Циньцину, поэтому серьёзных повреждений он не получил.

Повреждения Е Цяня были незначительными, можно даже сказать, минимальными.

Повреждение души составляло всего 0,1%, и хотя у Е Цяня могли возникнуть последствия, вероятность была крайне мала, и эти повреждения можно было полностью игнорировать.

Е Цянь оставался совершенно нормальным человеком, с мышлением, присущим обычному человеку, и уж точно не дошёл до состояния слабоумия.

Сейчас Е Цянь был в оцепенении, так как только что пережил удаление нелегальной системы Всеобщего Любимца из своего тела и ещё не мог прийти в себя.

В процессе удаления он ощущал что-то смутное, но не помнил деталей, как будто это был сон.

Это и привело к его нынешнему отрешённому состоянию.

Такое состояние должно было пройти через короткое время, хотя всё зависело от самого Е Цяня.

После удаления нелегальной системы Всеобщего Любимца Чэнь Циньцин, держа на руках маленького щенка, собирался уйти.

В этот момент Е Цянь внезапно схватил его за руку.

Чэнь Циньцин обернулся и посмотрел на Е Цяня, который, глядя на него, сказал:

— Уведи меня отсюда.

После всего, что произошло, Е Цянь окончательно отказался от мысли просить у Чэнь Циньцина легальную систему.

Он сам понял, насколько нереалистичной была эта идея, и что Чэнь Циньцин вряд ли поможет ему в этом.

Поэтому он решил пойти на компромисс.

Хотя бы уйти из этого проклятого дома, подальше от Чжоу Яна.

Он давно не хотел оставаться здесь, чувствуя, что если останется, то умрёт.

Если Чэнь Циньцин смог обойти вездесущие камеры в этом доме, то, скорее всего, сможет незаметно вывести его отсюда.

Чэнь Циньцин посмотрел на Е Цяня и просто сказал:

— Иди за мной.

Е Цянь тут же обрадовался и поспешил за Чэнь Циньцином.

Когда они выбрались из подвала, который был заперт, словно тюрьма, Е Цянь не смог сдержать ликования.

Он наконец-то был свободен.

На следующий день Чэнь Циньцин отправился в больницу, чтобы навестить младшего сына семьи Чжун, который ещё не пришёл в себя.

Вскоре после его ухода семья Чжун объявила, что их младший сын наконец очнулся.

В ответ на это пользователи сети выразили свои поздравления.

С пробуждением младшего сына семьи Чжун история Е Цяня снова оказалась в трендах.

Вспоминая жизнь Е Цяня, люди не могли не вздохнуть с сожалением.

Чжао Цзиньсинь, глядя на новости, чувствовал некоторую сложность.

Он был уверен, что внезапное пробуждение младшего сына семьи Чжун было связано с Чэнь Циньцином.

Вспоминая то, что он видел вчера, превратившись в собаку, Чжао Цзиньсинь не мог усидеть на месте и, оставив все дела, отправился к Чэнь Циньцину.

Только когда тот был у него на глазах, он мог чувствовать себя спокойно.

Найдя Чэнь Циньцина, он, используя своё положение главы компании «Синьхуан», нарисовал ему картину будущего, представив возможные международные достижения.

По крайней мере, на несколько десятилетий вперёд.

Для человека с таким статусом, как у Чжао Цзиньсиня, это было вполне естественно, поэтому Чэнь Циньцин, наблюдая за его энтузиазмом, не находил в этом ничего странного.

Но на самом деле только сам Чжао Цзиньсинь знал, насколько сильное беспокойство он испытывал.

Поэтому, во время своей речи перед Чэнь Циньцином, хотя он и выглядел очень взволнованным, он постоянно наблюдал за его реакцией.

К сожалению, он не смог разглядеть на лице Чэнь Циньцина никаких эмоций.

Это заставило Чжао Цзиньсиня почувствовать неуверенность.

Он оставался с Чэнь Циньцином до тех пор, пока не пришло время уходить, а затем, превратившись в собаку, быстро вернулся к нему.

Увидев, что Чэнь Циньцин всё ещё здесь, Чжао Цзиньсинь почувствовал облегчение, и его хвост непроизвольно завилял.

Однако его спокойствие длилось недолго, так как Чэнь Циньцин, погладив его по голове, сказал:

— Пора прощаться.

Чжао Цзиньсинь замер, его голова заполнилась пустотой.

— Мои дела завершены, пора уходить. — Чэнь Циньцин смотрел на шарпея перед собой. — Нам пора попрощаться.

То, чего он боялся, наконец случилось...

Чжао Цзиньсинь, который уже предчувствовал это, почувствовал, что готов заплакать.

Невольно он издал жалобный звук.

Морщинистая кожа шарпея делала его выражение ещё более жалким, словно он был на грани того, чтобы его бросили.

Он знал, что Чэнь Циньцин не просто так взял его с собой к Е Цяню, чтобы он узнал то, что не должен был знать.

Чэнь Циньцин хотел, чтобы он был готов.

Чэнь Циньцин не принадлежал этому месту, и, закончив свои дела, он должен был уйти.

Как в командировке, нельзя оставаться в городе, куда ты приехал, навсегда.

Чжао Цзиньсинь хорошо понимал это.

Но как он мог смириться?

Его сердце осталось с Чэнь Циньцином, и если тот уйдёт, то заберёт его с собой.

Чэнь Циньцин, глядя на шарпея, также испытывал сложные чувства.

Чжао Цзиньсинь решил, что не должен просто принимать это. Ему нужно было бороться.

Поэтому он подошёл к компьютеру и с трудом начал печатать.

Из-за внутреннего волнения его лапы часто ошибались, и процесс набора текста шёл медленнее, чем обычно.

Чэнь Циньцин молча наблюдал за тем, как шарпей с трудом набирал текст.

В комнате царила тишина, только нерегулярные звуки клавиатуры создавали гнетущую атмосферу.

Словно кто-то плакал в тишине.

— Ты не можешь остаться?

Наконец набрав эту строку, Чжао Цзиньсинь посмотрел на Чэнь Циньцина с мольбой.

Чэнь Циньцин взглянул на экран и медленно повернулся, встретившись глазами с шарпеем.

Чэнь Циньцин молчал.

Чжао Цзиньсинь, не услышав ответа, снова начал печатать.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

Чэнь Циньцин...

Чэнь Циньцин нежно погладил шарпея.

Чжао Цзиньсинь всё ещё не слышал ответа и уже начал терять надежду.

Почувствовав, что не сможет удержать Чэнь Циньцина, он внезапно почувствовал, как перед глазами начинает темнеть.

Зная, что сейчас нельзя падать духом, он резко встряхнул головой, чтобы прийти в себя.

Это заставило руку Чэнь Циньцина, лежащую на его голове, потерять опору.

Когда зрение Чжао Цзиньсиня прояснилось, он снова начал печатать.

На этот раз процесс шёл ещё медленнее, так как он торопился и отчаянно хотел удержать Чэнь Циньцина.

Всего четыре слова, но они заняли у него больше всего времени.

Увидев, что текст набран, Чжао Цзиньсинь вздохнул с облегчением и уныло опустил голову.

Он не смотрел на Чэнь Циньцина, так как в его сердце уже был готовый ответ, и он был готов к худшему.

Но всё же не хотел сдаваться...

Чэнь Циньцин, глядя на строку на экране, невольно замер.

— У меня есть только ты.

Чэнь Циньцин всё же был тронут.

<http://bllate.org/book/16138/1444617>